

misterium

**СЕРИЯ О ЧАРЛИ ПАРКЕРЕ
СОЗДАНИЯ СМЕРТИ, СОЗДАНИЯ ТЬМЫ
ТЕМНАЯ ЛОЩИНА
РОЖДЕННЫЕ УБИВАТЬ
БЕЛАЯ ДОРОГА
ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ**

Вне серии:

**ПЛОХИЕ ЛЮДИ
КНИГА ПОТЕРЯННЫХ ВЕЩЕЙ
СЭМЮЭЛ ДЖОНСОН И ВРАТА АДА**

misterium

**ДЖОН
КОННОЛЛИ
НЕУПОКОЕННЫЕ**

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Ирл)
К 64

John Connolly
THE UNQUIET

Copyright © John Connolly, 2007.
This translation published by arrangement with Darley Anderson
and Synopsis Literary Agency

Иллюстрация на обложке *Вячеслава Коробейникова*

Коннолли Дж.

К 64 Неупокоенные / Джон Коннолли ; [пер. с англ. А. Шабрина]. — М. : Эксмо, 2013. — 480 с.

ISBN 978-5-699-64504-6

К частному детективу Чарли Паркеру обратилась женщина по имени Ребекка Клэй, с просьбой оградить ее и дочь от преследования незнакомца, назвавшегося Фрэнком Мерриком. Тот утверждает, что у него есть дело к отцу Ребекки и он не оставит ее в покое, пока не выяснит необходимое. Но ведь Дэниел Клэй бесследно исчез шесть лет назад и официально объявлен умершим... Паркер выясняет, что интерес Фрэнка вызван профессиональной деятельностью покойного: отец Ребекки, детский психиатр, занимался проблемами насилия над детьми. Пока Меррик сидел в тюрьме, была похищена его дочь-подросток. При этом она присылала отцу письма с жутковатыми рисунками — на них были изображены люди с птичьими головами. Меррик заявляет, что видел точно такие же фигуры и раньше — их рисовал его сокамерник Энди. Причем он тоже когда-то был пациентом доктора Клэя...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Ирл)

© Шабрин А. С., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-64504-6

*Посвящается Эмили Бестлер — с душевным теплом,
и спасибо за приверженность*

Пролог

Этот мир полон сломанных вещей: разбитых сердец, порушенных обещаний, сломленных людей. Да и сам по себе он построение достаточно хрупкое: что-то вроде сот, где прошлое подчас просачивается в настоящее; где под весом замешанной на крови вины и старых прегрешений схлопываются, рушатся жизни и дети под завалами обломков оказываются вынуждены залегать бок о бок с останками своих отцов, увязнув в неразберихе последствий.

Я сокрушен, но и я в ответ крушил. И теперь пробирает мысль: какой же крепости мощь необходима для нанесения урона, чтобы сама вселенная в итоге разбередилась и некая сторонняя сила приняла решение, что мучений вынесено сполна? Когда-то я полагал, что дело здесь в равновесии, но теперь так не считаю. Думаю, содеянное мной по пропорции никак не сопоставимо с тем, что было причинено мне. Но такова природа мести. По самому своему ходу она нарастает, усиливается. Удержать ее уже нельзя. Один разящий удар влечет следующий, и так по нарастающей, пока боль, нанесенная изначально, не забывается в нагромождении последующего хаоса.

Когда-то я был мстителем. Больше я им не буду.

Но мир этот полон сломанных вещей.

*Олд-Орчард-Бич, штат Мэн
1986 год*

Гадальщик вынул из кармана ворох мятых купюр и, послушив палец, неброско сосчитал дневную выручку. Солнце садилось, колко играя на воде огнистыми и кроваво-красными блестками. По дощатому настилу пляжа все еще фланировала променадная публика — кто с «колой», кто с жирноватым попкорном, — а вдалеке по пляжу слонялись туманные фигуры, кто-то взявшись за руки, кто-то поодиночке. Погода в последние дни менялась: вечерами стало ощутимо холодней и задувал резкий ветер, предвестник больших перемен, взвихряя в густеющем сумраке смерчки песка. Погода сказывалась на поведении гуляющих: как раньше, они здесь больше не зависали. Придется, видно, скоро сворачиваться: если публика проходит мимо не задерживаясь, значит, нет работы, а нет работы — нет и его, Гадальщика. Без нее он так, человечья закорючка перед своей шаткой загородкой, обвешанной разномастной дребеденью — вывесками с мистическими знаками, весами, побрякушками, всякими безделками. А без публики, притормаживающей рассмотреть эту самую дребедень, его навыков считай что не существует. Поток туристов пошел нынче на убыль, и скоро здесь не будет смысла торчать ни Гадальщику, ни иже с ним — мелочным торговцам, велорикшам, уличным лицедеям и мелкому жулью. Всем придется или откочевывать туда, где более благодатный климат, или же впадать в спячку и пробиваться тем, что нажито за лето.

Вкус моря и песка — солоноватый, бодрящий — Гадальщик ощущал буквально кожей. Он замечал его неизменно, невзирая ни на какие годы. Море в каком-то смысле давало ему жизнь, ведь что, как не оно, влекло к себе людские толпища, а Гадальщик на их пути был уже тут как тут. Однако тяга к морской стихии не исчерпывалась у него одной лишь наживой. Нет, он смутно угадывал в ней что-то от своей собственной сущности; даже в привкусе собственного

пота он улавливал какое-то дальнее, забытое эхо своего изначального бытия, да и вообще всего сущего; тех же, кто не осознает в себе тяги к морю, он считал отщепенцами, потерянными для самих себя.

Большим пальцем он сноровисто отгибал уголки купюр, сопровождая подсчет суммы беззвучным шепотом. Под суммой Гадальщик мысленно подвел черту и сопоставил итог с заработками на аналогичный период прошлого года. Получалась убыль, точно так же как прошлый год уступал по доходам позапрошлomu, а тот в свою очередь проигрывал календарному предшественнику. Вероятно, люди сделались более циничны: ни сами они, ни их дети не останавливались нынче с живым интересом перед этим странного вида господином и его убогим сооружением. И выкладываться — даже за меньшую сумму — теперь приходилось больше (хотя и не настолько халтурно, чтобы это пахивало изменой выбранному поприщу). Но если на то пошло, чем можно еще заняться по жизни? Вытирать столы в буфетах? Торчать за прилавком в «Макдоналдсе», как кто-нибудь из наиболее отчаявшихся коллег-отставников, что готовы подбирать пачкотню за ревунами-малолетками и беспечными тинейджерами? Нет уж, спасибо, пусть этим занимается кто-нибудь другой. Сам же Гадальщик вот уже без малого сорок лет шел своим неизменным путем и, судя по всему, готов телесно и духовно продюжить еще несколько, если то будет отпущено главным конферансье на небесах. Ум у Гадальщика был по-прежнему четким, а глаза в чопорной оправе очков все так же наметанно хватывали все необходимое для того, чтобы и впредь исправно тянуть по жизни лямку. Кто-то мог бы истолковать это свойство как небесами отпущенный дар, но сам Гадальщик обозначал его другим словом. Это был навык, ремесло, что из года в год развивалось и шлифовалось; остаток атавистического чутья, сильно развитого у наших предков, но в нынешнем избалованном комфортом мире выветрившегося, сошедшего на нет за ненадобностью. Это было

нечто первозданное — если хотите, элементарное, сродни приливам и океанским течениям.

Дэйв Гловски, по прозвищу Гадальщик, впервые прибыл в Олд-Орчард-Бич в сорок восьмом году, тогда еще в возрасте тридцати семи лет, и с той поры ни пятачок занимаемой площади, ни орудия промысла у него особо не изменились. Все тот же деревянный стул, подвешенный на цепях старых форшнеровских весов, возвышался треном на его маленькой концессии; желтая вывеска с угловато намалеванным портретом хозяина рекламировала род его занятий и местонахождение (словно кто-то из гуляющих мог потерять на настиле пространственный ориентир или же не понимать, что именно лицезрит). «ГАДАТЕЛЬ, ДВОРЕЦ ПЛЕЙЛАНДИЯ, ОЛД-ОРЧАРД-БИЧ, Я», — гласила вывеска.

В Олд-Орчарде Гадальщик был, можно сказать, частью местного колорита, такой же неотъемлемой, как попавшие в «колу» пляжные песчинки или тянучки с привкусом морской соли, что вытягивают из зубов пломбы. Это было *его* место, которое он знал во всех тонкостях. Здесь со своими орудиями лова он пребывал уже так долго, что чутко осознавал даже самые незначительные, казалось бы, изменения в окружающей среде: тут свежую заплату краски, там сбритые накануне усы. Эти мелочи были для него важны, за счет них ум удерживал остроту и цепкость, а те, в свою очередь, давали насущное пропитание. Гадальщик замечал все, что происходит вокруг, и детали складировал в своей вместительной памяти, извлекая припасенное впрок знание в тот самый момент, когда это сулило наибольшую выгоду. В сущности, прозвище у него было самое неподходящее. Дэйв Гловски не угадывал — он *замечал*. Замечал и взвешивал. И оценивал. К сожалению, фраза «Дэйв Гловски Замечатель» на слух как-то не звучала, равно как и «Дэйв Оценщик». Так что пусть лучше будет «Гадальщик». Гадальщиком он был, Гадальщиком и останется.

Ваш вес Гадальщик мог с ходу определить с точностью до кило с небольшим, или вы получаете приз. Если вам это до лампочки (а попадались и такие, кто не очень хотел разглашать тайну своей комплекции перед добродушно настроенной толпой среди яркого летнего дня), то спасибо за внимание и идите себе дальше: Гадальщик и сам не сказать чтобы горел энтузиазмом из одного лишь интереса испытывать прочность своих весов, уместая на них полтора центнера живого женского веса, вскормленного на родных американских кормах. С таким же успехом он мог на глаз указать ваш возраст, дату рождения, род занятий, любимую марку машины (отечественной или заграничной) — да что там, даже марку сигарет. Если Гадальщик допускал промах, то дальше вы уже шли, гордо сжимая пластмассовую заколку для волос или пакетик с бухгалтерскими резинками, довольные тем, что переиграли забавного человечка с его кривыми, какими-то детскими знаками (знай наших: ума как-никак палата); при этом до вас не сразу доходило, что вы просто отдали ему два четвертака за удовольствие узнать то, что вы и так всю дорогу знали, да еще и купились на бонус из совершенно никчемных резинок, цена которым цент за пачку. И может, тогда, наряженные еще и в купленную у него же белую майку с трафаретной надписью «Гадатель Дэйв», вы оборачивались на его загородку, оставшуюся в отдалении за спиной, и невольно льстили ему мыслью, что он, видать, и вправду парень проницательнее некуда, раз его здесь все знают.

Гадальщик и впрямь был подвижен умом и проницателен в том смысле, в каком были проницательны со своей дедукцией Шерлок Холмс, аналитик Дюпен или маленький бельгиец Пуаро. Он был наблюдателем, делающим обобщения и выводы из наглядных признаков, сопутствующих на данный момент тому или иному персонажу. В расчет брались одежда человека, его обувь; то, как он держит при себе наличность; состояние рук и ногтей; вещи, пробуждающие при прогулке по настилу его интерес и внима-

ние; даже минутные паузы и колебания, модуляции голоса и машинальные жесты, которыми человек тысячей неброских способов раскрывал себя. Луч внимания Гадальщика бороздил ту среду, в которой этому якобы нехитрому качеству не придавалось толком ни цены, ни значения. Люди нынче не слушали и не смотрели, они лишь *думали*, что слушают и смотрят. Они упустили больше, чем воспринимали, их глаза и уши постоянно были настроены на получение новой информации, на очередную ее дозу, заготовленную для них телевидением, радио, киноиндустрией; едва успев сглотнуть порцию чего-то нового, от старого они тут же избавлялись, не успев даже вдуматься в его смысл и ценность. Гадальщик был не такой. Он принадлежал к людям иного порядка, более старого, исконного склада. Он был чутко настроен на изображения и запахи, на шепоты, подчеркнута громко звучащие в ушах, на мелкие, щекочущие волосики носа ароматы, что принимают в уме характерный цветовой оттенок. Зрение у Гадальщика являлось лишь одним из привлекаемых органов чувств, причем зачастую в общем наборе оно играло откровенно второстепенную роль. Подобно нашим первобытным предкам, в качестве первичного источника информации он опирался не на одни лишь глаза, а доверялся всем органам чувств одновременно, используя их на полную. Ум у него был как приемник, постоянно настроенный на перехват даже самых слабых радиоволн.

Что-то, само собой, давалось ему относительно легко: скажем, вес и возраст. Достаточно просто выходило и с автомобилями, по крайней мере на первых порах, когда народ в Олд-Орчард приезжал в основном на отечественных марках. Лишь позднее, в восьмидесятых — девяностых, когда все заполонил импорт, угадывать стало сложнее, хотя Дэйву до сих пор удавалось удерживать планку примерно пятьдесят на пятьдесят.

Род занятий? Что ж, иногда какие-нибудь полезные детали всплывали по перехвату подачи, когда Гадальщик

вслушивался в слова и тон приветствия, в ответы, в то, как люди отзывались на те или иные ключевые слова. При этом он параллельно вглядывался еще и в тайные знаки и намеки, которые могли дать одежда и кожа: изношенность или запятнанность манжет выдавали труд клерка, причем низкого пошиба, раз тот вынужден носить свою рабочую рубашку во время отпуска; пристальное изучение рук могло открыть на большом и указательном пальцах легкую примятость от ручки. Иной раз пальцы на одной или обеих руках могли быть чуть сплющены: первое, таким образом, намекало на привыкшего стучать по арифмометру счетовода-бухгалтера, второе почти наверняка выдавало секретаря или машинистку. У поваров неизменно читались мелкие следы ожогов на предплечьях, костные мозоли от ножа на указательном пальце, пятнышки от гриля и полузажившие зарубки в тех местах, где цапнул резак. Не встречалось еще такого механика, который дочиста оттер бы с желобков кожи машинное масло. Копы сами по себе бросались в глаза, а воякам уж проще было являться со своим наградным иконостасом.

Однако наблюдательности без памяти грош цена, а потому Гадальщик постоянно вбирал в себя детали неспешно текущего по променаду многолюдства, от обрывков разговоров до бегло замеченных вещичек. Если прохожий, скажем, останавливался прикурить, Дэйв мгновенно подмечал у него пачку «Мальборо», а заодно зеленый галстук. Владелец припаркованной неподалеку машины немедленно помечался как «Форд» в красных подтяжках». Все раскладывалось по полочкам на случай дальнейшей пригодности: даром что по-крупному осечки Гадальщик никогда не допускал — профессиональную доблесть необходимо было неуклонно блюсти, да еще и смотреться молодцом в глазах окрестных зевак. Дэйв не продержался бы у своей загородки все эти десятилетия, если б просто тыкал пальцем в небо, а затем с виноватым видом замазывал перед туристами собственные промахи надувными шариками.

Свою выручку Гадальщик понадежней засунул в карман и, прежде чем закрываться, еще раз напоследок огляделся. За день он успел утомиться, побаливала голова, и все равно жаль будет, когда все разъедутся. Не секрет, есть среди его знакомых такие, кто плачется о нынешнем состоянии Олд-Орчарда: дескать, красивый песчаный берег за век строительства окончательно погублен, а уж с появлением всяких там аттракционов, павильонов и каруселей — так и подавно; все здесь пропахло сахарной ватой, хот-догами, кремами для загара. Может, эти плакальщики и правы, но ведь есть уйма других пляжных зон, где они могут приткнуться. А вот мест, куда людям можно приехать на море семьей, с ребятишками, и пожить недельку в свое удовольствие, действительно осталось немного — чтобы вот так на песочке, да еще по сравнительно сходной цене, да еще забавы ради помериться силенками с такими, как Дэйв-Гадатель. В самом деле, Олд-Орчард теперь совсем не тот, что прежде. Вконец отбилась от рук юная поросль, того и гляди прилетит от них по голове. Городок стал каким-то мишурным, и вообще ощущение такое, что невинность отсюда ушла и не обещала вернуться. Оушн-парк, некогда ориентированный на семейный отдых религиозный курорт в пригороде, теперь словно погрязал в эпохе странного смешения, где образование и трудовое усердие на фоне курортной праздности и бездумных развлечений смотрелись как-то на редкость невыигрышно. Интересно, скольким из тех, кто нагрязнул сюда дуть дешевое пиво и пожирать с бумажных тарелочек лобстеров, известно о беззаветных методистах, что в семидесятые годы девятнадцатого века создали в Олд-Орчарде палаточный городок-общину, где иной раз собиралось до десяти тысяч человек, чтобы послушать ораторов-проповедников, превозносящих благодать праведной жизни без грехов? Попробуйте-ка нынче взяться увещевать разомлевших на послеполуденном солнце туристов внять слову Божьему... О реакции этих коблов

можно лишь догадываться, причем для этого быть Дэйвом-Гадателем даже не обязательно.

И тем не менее Олд-Орчард Гадальщик любил. Через свой скромный балаганчик он удостоился чести лично познакомиться с такими небожителями, как Томми Дорси и Луи Армстронг (не верите — гляньте на снимки, что на стене загородки). Но в то время как эти случайные встречи знаменовали наивысшие взлеты карьеры Дэйва, его дела с обычными людьми доставляли ему стойкое удовольствие и позволяли сохранять молодость и бодрость духа. Не будь людей, Олд-Орчард — с морем или без — значил бы для него куда меньше.

Гадальщик уже убирал свои весы и знаки, когда увидел, что к нему приближается человек; точнее, не увидел, а *почувал* его приближение, еще до того как разглядел, поскольку у наших давно канувших предков не было возможности играть в своих скупо освещенных огнем пещерах в угадайку. Им эти качества были нужны, чтобы оставаться в живых; они предостерегали их от приближения хищников и врагов, так что бесперебойность их пребывания на этом свете зависела от постоянной вживленности в окружающий мир.

Гадальщик по привычке непринужденно обернулся и стал вбирать в себя облик незнакомца: возраст под сорок, но выглядит моложе своих лет; синие джинсы с немодной нынче свободницей; майка белая, но на животе слегка запачкана; ботинки тяжелые, в таких сподручней гонять на мотоцикле, чем на машине, хотя подошвы не стертые, что бывает от долгой езды на «Харлее» или другом мощном «быке»; темные набриолиненные волосы интеллигентски зачесаны назад; подбородок мелковат, а голова сжата, как от долгого пребывания под гнетущим весом, отчего костистое загорелое лицо несколько вытянуто вперед, словно у хищной птицы. Под линией волос виднеется шрам — три параллельных линии, как будто кто-то воткнул в кожу вилку и пробороздил до самой переносицы. Рот искривлен, причем по-странному: одна сторона накрена книзу,